

М. А. НОВОСЕЛОВ

Открытое письмо графу Л. Н. Толстому

от бывшего его единомышленника по поводу ответа
на постановление Святейшего Синода (1901)

С того времени, как мы разошлись с Вами, Лев Николаевич, т. е. с тех пор, как я стал православным, а этому есть уже лет 8–9, я ни разу не разговаривал с Вами о том, что так важно для нас обоих. Иногда меня очень тянуло написать Вам, но краткое размышление приводило меня к сознанию, что делать этого не нужно, что из этого никакого толку не выйдет ни для Вас, ни для меня. Теперь я берусь за перо под впечатлением только что прочитанного мною Вашего ответа на постановление Синода от 20–22 февраля. Ничего нового для себя я не встретил в Вашем ответе, тем не менее почувствовалась потребность сказать Вам несколько слов по поводу этой свежей Вашей исповеди.

Мне, как бывшему Вашему единомышленнику, интересны главным образом те основные моменты христианского учения, на которых держится, с которыми связано наше теперешнее разногласие. На них я и хотел бы остановиться несколько подробнее, мимоходом лишь ответив на прочие (и даже не на все) пункты Вашего писания.

Другие, может быть, откликнутся на Ваше обвинение в неканоничности опубликованного синодального постановления... Я, со своей стороны, понимаю его как констатирование уже совершившегося факта Вашего отпадения от Церкви, о каковом отпадении Синод и объявляет чадам Церкви, чтобы предостеречь их относительно Вашего учения. Думаю, что оно имело в виду и Вас, надеясь вызвать Вас на серьезный пересмотр Ваших взглядов на христианство... Побуждало Синод к этому акту, нужно полагать, и желание открыто и во всеуслышание заявить об основных истинах веры христианской в то время, когда в обществе существует

так много до противоположности несходных воззрений на сущность Христова учения.

Вы называете это постановление произвольным, потому что оно обвиняет Вас одного в том, в чем подлежат обвинению многие. Отчасти Вы правы, но только отчасти, потому что никто из той интеллигенции, на которую Вы указываете, не вступал в такую вражду с Церковью и ее учением, как Вы. Непризнание чего-либо, даже отрицание, — это не то, что ожесточенная борьба, да еще неразборчивая в средствах. В объяснение и оправдание последнего замечания приведу Вам слова человека, в терпимости и высокой порядочности которого Вы едва ли осмелитесь сомневаться. Когда я зимою 1900 года спросил покойного Владимира Сергеевича Соловьева, почему он, умышленно избегавший раньше полемики с Вами, выступил так энергично против Вас в своих «Трех разговорах под пальмами», он отвечал: «Меня возмутили кощунства “Воскресения”».

Добавлю еще, что истинно верующие люди едва ли могут иметь что-либо против отлучения от Церкви и всех тех, кто заявил бы себя солидарным с Вами. По моему убеждению, удерживать их формально в Церкви, когда они реально находятся вне ее, — нецелесообразно и недостойно православия.

Вы называете постановление неосновательным, так как людей единомысленных с Вами всего какая-нибудь сотня, т. е. вовсе не так много, как утверждает постановление. Не стоит ли это Ваше заявление в противоречии с предыдущим замечанием, что почти все образованные люди разделяют с Вами то безверие, в котором обвиняет Вас Синод? Вы скажете, может быть, что эти интеллигенты солидарны с Вами только в Вашем отрицании церковного учения? Но ведь это-то отрицание главным образом и имеет в виду Синод, а не те положительные стороны Вашей философии, в которой Вы насчитываете так мало единомышленников.

О «явной неправде» постановления ничего не смею сказать и оставляю этот вопрос на совести Вашей и тех, кто, по Вашим словам, допустил эту неправду.

Что касается клеветы, которую Вы усматриваете в постановлении, то я ее ни в чем не вижу, ибо не вижу «заведомо несправедливых утверждений касательно Вас, клонящихся к Вашему вреду».

Я могу согласиться с Вами и в том, что оно есть подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

В доказательство последнего Вашего положения Вы приводите выдержки из нескольких писем, полученных Вами после от-

лучения. Я согласен с Вами, что письма эти нехороши, что они слишком отзывают тем Илииним духом, который не одобрил Спаситель в сынах Зеведеевых, выразивших желание свести огонь с неба на оскорбивших Учителя самарян: «Не знаете, каково вы духа», — сказал ученикам Христос.

Не знают Христова духа и авторы этих писем. Но при чем тут постановление Синода? Вы с большей основательностью могли бы упрекнуть приходских пастырей в нерадении к духовному устройению словесных овец, обнаруживающих волчьи зубы. Вы скажете, может быть: «Синод должен был предвидеть это».

Пусть так, но нельзя было этого предупредить. «Не публиковать постановления», — возразите Вы. Но ведь в таком случае придется совсем сложить руки, так как почти всякое постановление может быть нелепо понято и дурно принято невежеством и нерассудительностью. Лучшим подтверждением этого служит Ваше учение: припомните, какой вид оно принимало, проходя чрез разнокалиберные головы и сердца последователей Ваших?! Вам это известно, конечно, лучше, чем мне, а и мне хорошо известно...

Чтобы не тревожить теней прошлого, укажу Вам на Вашу недавнюю сравнительно вещицу с невинным и даже христианским заглавием «Не убий», которая некоторыми лицами была понята совсем не так, как Вы, надо думать, желали, судя по заглавию, — и правду сказать, Лев Николаевич, не без основания на этот раз, ибо только слова говорили «не убий», а дух брошюры питал то чувство, которое Иоанн Богослов называет человекоубийственным.

Далее Вы признаетесь, что Вы отреклись от Православной Церкви, но не потому, что восстали на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами души желали служить Ему.

Не знаю, умышленно ли Вы опустили слова «и на Христа Его», упомянутые в синодальном постановлении и однажды приведенные Вами... Их нельзя опускать. Церковь Православная (и не только Православная) теснейшим образом связана с Христом. И для всякого мало-мальски мыслящего (равно как и для не мыслящего, а одной детской верою ходящего) православного отречение от Церкви есть и отречение от Христа (и восстание на Отца Его), ибо Христос есть Глава Церкви, Церковь же Тело Его. На сего-то Христа Вы, действительно, восстали, что и сами признаете спустя несколько строк. Служить же Вы хотите не Ему и не Тому Отцу Его (Господу), Которого знает и признает вселенское христианство, а какому-то неведомому безличному началу, столь чуждому душе человеческой, что она не может

прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего.

Не буду касаться Ваших замечаний о том, как Вы исследовали учение Церкви, а равно и достоинств Ваших богословских трудов. Об этом довольно писалось за последние 10–15 лет. Позволю, впрочем, себе сказать несколько слов. Можно пожалеть, что Вам пришлось знакомиться с христианским богословием по руководству м<итр.> Макария¹. Может быть, приобщение на первых порах к более жизненной и животворящей мысли богословов-подвижников раскрыло бы Вам глубочайшую связь между христианским вероучением и нравственностью, а главное, ввело бы Вас в сферу внутреннего духовного опыта, при котором только и можно непоколебимо верить в догмат и сознательно его исповедовать.

Далее Вы говорите о церковных обрядах, о некоторых догматических верованиях и таинствах. Все это Вам представляется ложью, кощунством, колдовством, обманом. Не входя в подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература последних лет, разбирая Ваши произведения, я остаюсь в недоумении на некоторых общих соображениях.

В одной из глав Вашей критики догматического богословия Вы, говоря о Церкви, выражаетесь приблизительно так: «При слове “Церковь” я ничего другого не могу представить, как несколько тысяч длинноволосых невежественных людей, которые находятся в рабской зависимости от нескольких десятков таких же длинноволосых людей...» Я не опровергаю этого больше чем наивного определения Церкви, ибо знаю, что опровержение бесполезно, так как определение это вытекло не из логики, а из непосредственного восприятия Вами фактов текущей церковной деятельности. Пусть будет по-Вашему, пусть понятие о Церкви сводится к понятию о духовенстве, и пусть все это духовенство будет сплошь невежественно и корыстно, пусть оно из самых низменных мотивов поддерживает церковное учение... Пусть будет по-Вашему, но ведь должны же Вы были задуматься над вопросом: когда возникло это учение?

Ведь не нынешними же, по Вашему предвзятому представлению, «невеждами и корыстолюбцами» установлены таинства, даны догматические определения, введены богослужебные обряды... Ведь о важнейшем таинстве, вызывающем самые ярые нападки с Вашей стороны, мы узнаем еще в Новом Завете. Обращаю Ваше внимание на слова апостола Павла (Послание к Коринфянам), который, очевидно, понимал слова Спасителя о Телесной и Крови так, как понимаем мы, православные. Что он придавал

тайнственное (в нашем православном смысле) значение священной трапезе, это видно из того, что в зависимость от недостойного вкушения оной ставил болезни и даже смерть верующих.

Не в Евангелии ли Христос исповедуется Богом?

Не в посланиях ли апостольских искупление является краеугольным камнем учения?

Не ближайшие ли ученики Спасителя (и сам апостол любви) посещают Иерусалимский храм для молитвы?

Не в первые ли века (II и III вв.) развивается богослужебный чин христианский?

Не поддерживают ли все это и не полагают ли жизнь свою за то, что Вы обруживаете как ложь, колдовство и обман, ученики Христовы и ученики Его учеников?

Лев Николаевич! Вы говорите, что любите истину больше всего на свете. Докажите же это на деле: отрешитесь на самое короткое время от Вашего обычного отношения к сущим церковникам и, забыв их, перенеситесь мысленно в первые века христианства.

Неужели Вы дерзнете упрекнуть в невежестве, сребролюбии, недобросовестности те сотни, тысячи христианских подвижников, из которых одни вызывали восторг и удивление своими добродетелями даже во враждебно настроенных к христианству язычниках, другие проявили глубочайшую мудрость в своих философских и богословских трудах? Вспомните Поликарпа, Иустина Философа, Антония и Макария Великих, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, блаж. Августина, Оригена Адамантового...² Чем объясняете Вы в них и в тысячах им подобных самоотверженных служителей истины — эту верность церковному учению, и именно той его стороне, которую Вы хотите назвать даже не заблуждением, а непременно ложью и обманом? Любовь к истине, которую Вы, не колеблясь, признаете в себе, требует, чтобы Вы подыскили другое объяснение для возникновения тех верований, которые Вы клеймите позорным именем колдовства, лжи и бессмыслицы...

Несколько лет тому назад, в первый период своего обращения к Церкви, я прочитал в «Вестнике Европы» прекрасные статьи проф. Герье о Франциске Ассизском и Екатерине Сиенской³. Статьи эти драгоценны тем, что в них мы находим беспристрастное и в то же время глубоко продуманное изложение фактов внешней и внутренней жизни названных католических святых, фактов, тщательно проверенных и пропущенных чрез горнило строгой исторической критики. В обоих житиях (да позволено будет назвать так эти чудные монографии!), особенно в житии Екатерины (которую, кстати сказать, св. Димитрий Ростовский⁴ име-

нует блаженною в церковном значении этого слова), — с удивительной яркостью выступают личные отношения души человеческой ко Христу. Все изумительные явления нравственной жизни Екатерины, поражавшие своей необычностью и покорявшие своей силой даже людей, к ней враждебно настроенных, оказываются теснейшим образом связанными с личным ее отношением к Живому Христу Господу. Зависимость эта сказывается так ярко, так непререкаемо, что некоторые не верующие, но не ожесточенные против Церкви люди в недоумении потупляли очи при чтении этого произведения ученого автора и — задумывались.

Так вот, когда я по прочтении названных статей попал в один московский кружок молодежи, состоящий из лиц, Вам (а раньше и мне) очень близких, и заговорил с недавними своими единомышленниками о центральном пункте христианства — Самом Богочеловеке и о необходимости для христианина живого, ощущаемого общения с Ним, причем сослался (по малости собственного духовного опыта) на житие Екатерины, то встретил решительный и единодушный отпор: для слушателей казалось нелепостью общение с «мертвецом, давно сгнившим». Самосознание Екатерины и ей подобных лиц, опирающихся в своей нравственной жизни на Христа распятого и воскресшего, представлялось самообманом. У меня осталось впечатление, что это — Ваша мысль, Л. Н-ч. Да и трудно, правду сказать, найти третье объяснение, если не принимать того, которое предлагают люди, свидетельствующие о живом союзе своем с Воскресшим.

Но любовь к истине позволит ли остановиться на теории самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшие движения души человеческой и высочайшие акты Воли порождены были самообманом, т. е., в сущности, неправдой?! Или, может быть, самообман состоял не в том, что люди мечтой своего воображения умножили в себе добродетель, а в том, что эту собственную, самодельную, так сказать, добродетель мысленно связывали, без всякой нужды и выгоды для добродетели, со своим фантастическим верованием в «Воскресшего Мертвеца», питающего Своею плотью и кровью?

Но тут является новое затруднение. Как объяснить себе, что на расстоянии стольких веков люди различных национальностей, различного образования, пола, возраста, общественного положения поддаются такому странному обольщению, усваивают, очевидно, ненужное и столь несвойственное «здравому смыслу» верование? Удивительно, что и развитие так называемого положительного знания не освободило людей от этого исторического, из века в век переходящего кошмара: Паскаль, Гладстон⁵, наш

Владимир Соловьев — тому живые примеры... Знаменательно также, что тончайшие психологи оказываются в списке этих, по Вашему, безумцев, последователей Назарейской ереси. Чего стоит один Исаак Сириин, столько же превосходящий Вас (даже Вас, говорю без всякой иронии) глубиной психологического анализа, сколько и высотой своего истинно духовного настроения?! Ведь если есть действительная психология, так главным образом (если не исключительно) у тех подвижников христианства, которые утверждались на камне «безумного» вероучения Церкви. Неужели эти сердцеведцы не могли разобраться в такой очевидной, по Вашим словам, лжи? Странно, больше того — непостижимо это эпидемическое ослепление, идущее из рода в род в стольких народах...

Миную Ваши обычные упреки по адресу Церкви за искажение ею учения Христа о судах, войнах и др<угих> родах насилия. Прочтите, если Вы не читали, «Три разговора» Владимира Соловьева: там сказано об этом много такого, что должно бы, кажется, заставить Вас задуматься...

Перехожу к Вашему заключительному *profession de foi* *. Несколько раз перечитывал я этот краткий символ Вашей веры и каждый раз неизменно испытывал одно и то же тоскливое, гнетущее чувство. Слова все хорошие: Бог, Дух, любовь, правда, молитва, а в душе пустота получается по прочтении их. Не чувствуется в них жизни, влияния Духа Божия... И Бог, и Дух, и любовь, и правда — все как-то мертво, холодно, рассудочно. Невольно вспоминается Ваш перевод 1 гл. Евангелия от Иоанна, где Вы глубокое, могучее: «В начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово» — заменили жалким: «В начале было разумение, разумение стало вместо Бога, разумение стало Бог». Ведь попросту сказать, Ваш Бог есть только Ваша идея, которую Вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону в течение двух десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного «я». Даже в молитве, этом высочайшем душевном акте, неложно связующем христианина с Богом и раздвигающем границы человеческого «я» до бесконечности Божией, вы остаетесь одиноки — с одним собой, в одном себе. Ваша молитва (по Вашему же признанию) есть лишь усилие и усиление Вашего сознания, а не действительная беседа души человеческой с живым Богом, она есть искусственный психический акт выдвигания перед сознанием известной идеи, а не приобщение к живому, приснотекущему Источнику благодати,

* Изложение убеждений, символ веры (*фр.*).

орошающему иссохшую землю сердца нашего. Вера Ваша такая же отвлеченная, рассудочная и мертвая, как и вера тех ортодоксов, которые ограничиваются философским признанием догмы, забывая, что истина познается не логическими рассуждениями, а всею целостью нашего нравственного существа, требующего для приобщения к истине определенного религиозного подвига. Как они, так и Вы мало разумеете, что вера (с характером которой в теснейшей связи стоит и характер молитвы, этого, так сказать, барометра духовной жизни) есть нечто более глубокое, сильное и действенное, чем обычный акт сознания или некоторая идейная настроенность.

Есть вера от слуха (Рим. 10 : 17), и есть вера уповаемых в извещение (Евр. 11 : 1).

Вот эта-то вера, *осуществляющая* ожидаемое и этим дающая непоколебимую уверенность в невидимом, — и чужда Вам, ибо дается она только Богочеловеком Христом, чрез Кого единственно мы получаем, еще живя на земле, сей доступ к Небесному Отцу и к дарам Его милости.

Отметая Христа Искупителя, Вы неизбежно лишаете Вашу душу Его благодатного воздействия, а потому не имеете того духовного опыта, который, когда Вы говорите о добродетелях, может бы Вам отличить любовь Христову от естественной благонастроенности, благодатную кротость от самообладания (или природной тихости), смирение от снисходительности, мудрое во Христе терпение от бесплодного самоистязания. Потому-то Вы и не понимаете великого значения веры в Христа распятого и воскресшего, необходимости ее для истинного возрождения человека, ибо самое возрождение Вам неведомо...

У Вас, как это ни странно многим слышать, нет мерил для оценки и определения важнейших нравственных переживаний души человеческой, переживаний, доступных самым простым и некнижным людям, о которых апостол сказал, что Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал, чтобы посрамить сильное, для того, добавляет апостол, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом. Да, как ни бессмысленно это на иной взгляд, но духовное ведение, доступное Павлу Препростому (IV в.), не дано Льву Мудрому⁶, святилище таин Христовых, открытое для первого, закрыто перед вторым...

Эпиграфом с эпилогом своей статьи Вы избрали слова Кольриджа — слова настолько значительные, что их нельзя пройти молчанием. В них, мне кажется, до некоторой степени заключается разгадка того недоразумения, которое существует между Вами и Церковью.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истинно, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете».

Не знаю, с которого конца подойти к этому афоризму: почти каждое слово требует комментария.

Начну, пожалуй, с фактической проверки данного положения.

Вот перед нами апостол Павел, особенно, помнится, нелюбимый Вами за мнимое искажение учения Христова, больше других апостолов потрудившийся над устройением Церкви.

Чем же он кончил? Тем, что полюбил себя (свое спокойствие) больше всего на свете?! Заклятый враг истины не позволит себе сказать этого о нем, величайшем — по справедливому выражению Фаррара⁷ — из великих людей, вся жизнь которого со времени обращения его ко Христу была сплошным мученическим подвигом и в любящем сердце которого не тесно было многим народам.

Вспомните и весь сонм апостольский... Вспомните ближайших учеников Христа — Петра и Иоанна, единомысленные послания которых с искаженным, как и у Павла, учением Христовым перед нашими глазами... Чем кончают они? Изгнанием, мученичеством.

Оставляю в стороне период гонений, когда так мало помышляли о покое, а так много проливали крови за воскресшего Христа и Церковь Его Святую, и опять напоминаю Вам о подвижниках пустынь — Антонии, Макарии, Исааке (и других, им же нет числа), об отцах и учителях Церкви — Златоусте, Василии, Григории, Августине, о более близких к нам — Сергии Радонежском, Стефане Пермском, св. Филиппе, Тихоне Задонском...⁸ Не знаю, как Вы, Лев Николаевич, а я очень желал бы любить свое спокойствие так, как любили свое эти рабы Христовы и служители Церкви. Уверен, что и Господь такому моему спокойствию порадовался бы.

Очевидно, мысль, которую Вы хотели выразить или подтвердить словами Кольриджа⁹, не оправдывается фактами. И не оправдывается потому, что понятия тут перепутаны, сдвинуты со своих основ, поставлены во взаимную связь по случайным, а не по существенным признакам. Вы отделяете истину от христианства, хотя в последних строках и заявляете, что до сих пор истина совпадает для Вас с христианством, как Вы его понимаете.

Для тех же великих и святых людей, о которых я только что говорил, и жизнь которых представляет такое блестящее опровержение афоризма Кольриджа, истина безусловно совпадает с

христианством. Для них Христос есть Истина абсолютная, ибо в Нем, по слову апостола, обитает полнота Божества телесно (Кол. 2 : 9).

Мало того, для них и Церковь была неразрывно связана с истиной, что видно из слов того же апостола, называющего Церковь столпом и утверждением истины (1 Тим. 3 : 15). Верование апостола Павла было верованием и прочих апостолов, «самовидцев Слова», о чем свидетельствуют их писания, этот, кстати сказать, единственный документ, знакомящий нас с учением Христовым. Веру апостолов разделяли и их ученики; эту же веру приняли и исповедовали и христиане последующих веков. Итак, Вы видите, что все эти люди любили христианство и Церковь как истину, т. е. истина совпадала для них с христианством, как они понимали его; иначе сказать, они никак не менее Вас были правы перед истиной, а если посмотреть на жизнь их, то, несомненно, окажется, что даже превосходили Вас любовью к ней...

Неосновательно разъединив истину, христианство и Церковь, речение Кольриджа так же неосновательно смешивает Церковь с сектой. Для Кольриджа такое смешение естественно: он не знал Церкви, а видел секты, именующие себя Церквами: свои выгоды из наблюдений над сектами он перенес на Церковь. Между тем многое, что приложимо к секте, вовсе не приложимо к Церкви.

Впрочем, я не стану безусловно оспаривать мысли, выраженной в словах Кольриджа. Возможно — и, к сожалению, нередко случается, — что люди, принадлежащие к Церкви, уподобляются сектантам по своему душевному устройению. Разумею тех, кто вступает в Церковь, ища в покорном послушании ей как внешнему авторитету ленивого покоя для своей истомленной головы. При таком отношении к Церкви движение вперед по пути усвоения истины прекращается, вера и любовь иссякают, в душе рождается сектантское самодовольство с неизбежными спутниками: фанатизмом и нетерпимостью.

Но эти случаи, мало ли их будет или много, не изменяют существа дела, не опровергают истинности христианства и Церкви (хотя и вносят соблазн во многие людские души), подобно тому как превалирующее количество эгоистов в мире не подрывает в глазах разумного человека правды нравственного закона (хотя и порождает в иных сердцах сомнение в силе его).

На Ваше последнее признание, что Вы радостно и спокойно приближаетесь к смерти, ничего не скажу. Будущее, неизвестное и Вам, и мне, скажет свое слово о Вашем спокойствии и Вашей радости...

Простите, если чем нечаянно обидел Вас, Л. Н-ч. Говорю «нечаянно», потому что во все время писания не замечал в себе ничего к Вам враждебного. Напротив, с первых страниц моего письма всплыли из далекого прошлого наши дружеские отношения, и образ их не покидает меня доселе. Мне грустно, что их нет теперь и не может быть, пока между нами стоит Он, Господь мой и Бог мой, молитву к Кому Вы считаете кощунством, и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о Вас и о близких Ваших с тех пор, как, разойдясь с Вами, я после долгих блужданий по путям сектантства вернулся в лоно Церкви Христовой.

Для всех нас «время близко», а для Вас, говоря по человеческому рассуждению, и очень близко... Но я не теряю окончательной надежды, что Вам, которому так хорошо знакомо слово евангелиста Иоанна, что *всякий, не делающий правды, не есть от Бога* (1 Ин. 3 : 10), откроется истинный смысл и другого слова того же апостола любви, что *не есть от Бога и всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти*, тогда, может быть, в последние минуты Вашего земного странствия Образ Воскресшего зажжется ярким пламенем в душе Вашей, и Вы, выйдя из мрака в «чудный свет» Его, подобно блаженному Августину, если не воскликнете, то в тайне сердца Вашего изречете: «*Sero te amavi, pulchritudo tam, antiqua et tam nova; sero te amavi!*» (Будет тебя услаждать красота, как старая, так и новая; будет тебя услаждать!)

*Вышний Волочек Тверской губ.,
29 мая 1901 г.*

